

ФРАГМЕНТЫ ТРУДА ДРЕВНЕЙШЕГО ИСТОРИКА СССР, СОХРАНИВШИЕСЯ У РАЗЛИЧНЫХ АНТИЧНЫХ ИСТОРИКОВ

Большой отрывок труда историка античного Крыма, жившего на рубеже IV и III вв. до н. э., был включен Диодором в 22—26 главы XX книги его грандиозной компиляции и стал предметом двух моих статей.¹ Настоящее исследование, которое я посвящаю моему глубокоуважаемому и дорогому университетскому товарищу, выдающемуся историку СССР С. Н. Валку, ставит своей целью выявить те мелкие отрывки труда древнего крымского историка, которые сохранились в различных произведениях античной литературы. Бесспорным критерием для выделения из дошедших до нас произведений античной литературы тех отрывков, которые могли бы быть возведены к творчеству крымского историка, надлежит считать объявление правителей Боспора бацилевсами — «царями», а не тиранами, т. е. правителями, захватившими власть путем насилия. Дело в том, что громадное большинство античных авторов, писавших о Спартокидах, боспорских правителях, объявляло последних тиранами, подобно Дионисию, властелину Сицилии или тиранам Гераклеи, географически и исторически столь тесно связанной с Боспорским государством.² Следуя этому течению греческой историографии, некоторые из современных историков стали сопоставлять Боспорскую державу Спартокидов с государством, созданным Дионисием в Сицилии,³ но С. А. Жебелев с полным правом отвергал подобное сопоставление.⁴ Действительно, Дионисий, являвшийся образцом для тирана Гераклеи Клеарха,⁵ опирался исключительно на наемни-

¹ «Древнейший историк СССР» (в сб.: Памяти Игнатия Юлиановича Крачковского, ЛГУ, 1958, стр. 139 и сл.); «Личность автора древнейшего труда по истории СССР» (статья будет напечатана в сборнике в честь члена-корреспондента АН СССР Нины Викторовны Пигулевской).

² Об истории тирании Гераклеи см.: Н. A p e l. Die Tyrannis von Heraclea. Diss. Halle a. S., 1910.

³ См.: С. А. Жебелев. Боспорские этюды. Изв. ГАИМК, № 104, 1935, стр. 21, прим. 3.

⁴ Там же, стр. 21.

⁵ Н. A p e l. Die Tyrannis von Heraclea, S. 31.

ческую армию, ибо «охрана тиранов состоит из наемников».⁶ Правители же Боспора Киммерийского опирались и на гражданское ополчение,⁷ которое в основной своей части рекрутировалось из среды рабовладельческого класса больших городов, поддерживавшего Спартокидов. Если первоначально в городах Боспорского государства, как и в городах Сицилии, класс крупных и средних рабовладельцев состоял из греков, то впоследствии, в противоположность Сицилии, в городах державы Спартокидов господствующий класс стал пополняться представителями верхушки местных племен.⁸ Зажиточные слои последних, оставшиеся вне городов, также поддерживали правителей Боспорского государства, поскольку они были заинтересованы в экспортной торговле хлебом.⁹ Опираясь на знать местных племен, Спартокиды должны были считаться с нею и поэтому, называя себя «архонтами Пантикапея и Феодосии», они объявляли себя «царями» («басилевсами») тех местных племен, которые входили в состав их державы. Принятием этого двойного титула «архонта» и «царя» Спартокиды, несомненно, хотели оградить себя от обвинения в тираннии. Действительно, титулом «архонт Сицилии», который был прибавлен к имени Дионисия I, афиняне пытались завуалировать тот факт, что они вступили в сношения с тираном.¹⁰ Что же касается титула «царя» («басилевса»), то он, как известно, обозначал единоличного правителя, ставшего таковым не путем нарушения права. Придавая такое значение двойному титулу «архонт» и «басилевс», Спартокиды сохраняли его в своей официальной титулатуре вплоть до II в. до н. э.¹¹

Начиная с конца IV в. до н. э. мы становимся свидетелями того, что Спартокиды именуют себя наряду со старым двойным

⁶ Аристотель, Политика, V, 8, 6 (конец).

⁷ Полиэн, VI, 9, 2. Об этом свидетельствует рассказ Полиэна о просьбе Левкона к купцам стать его телохранителями, дабы спасти его от заговора, составленного среди его друзей и граждан. Очевидно, телохранители из числа купцов должны были заменить его охрану из числа граждан.

⁸ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 63.

О положении местного населения в Сицилии см. прекрасное исследование основоположника истории изучения древнего мира в России Ф. Ф. Соколова «Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии» (СПб., 1865, стр. 227 и сл.). Этот труд Ф. Ф. Соколова и в настоящее время не является устаревшим.

⁹ Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья. Л., 1949, стр. 234. Ср. также определение С. А. Жебелевым (Боспорские этюды, стр. 21) Боспорского государства «аграрно-коммерческой монархией» в противоположность державе Дионисия, характеризуемой им как «военная монархия».

¹⁰ См.: С. А. Жебелев. 1) Боспорские этюды, стр. 21; 2) Народы Северного Причерноморья в античную эпоху. ВДИ, 1938, № 1, стр. 157.

¹¹ Мы находим эти титулы у Спартока, сына Евмела (304/03—284/83 гг. до н. э.), см.: IPE, II, №№ 13, 348, 349; у Пеорисада II, сына Спартока (умер после 250 г. до н. э.), см.: IPE, II, №№ 15, 350; у Перисада IV Филометора (первая половина II в. до н. э.), см.: IPE, II, № 19. Это противоречит утверждению в «Боспорском царстве» В. Ф. Гайдукевича (стр. 63), что с IV в. до н. э. двойной титул выходит из употребления.

титолом только «царями» Боспорского государства. В противоположность Левкону I и Перисаду I, именовавшим себя в дошедших до нас надписях всегда «архонтом» Пантикалея и Феодосии и «царем» ряда местных племен,¹² в одной из надписей Спартока, сына Евмела, ставшего правителем в 304 г. до н. э., он назван только «царем».¹³ 3 боспорские надписи говорят о царствовании Перисада II, сына Спартока.¹⁴ И наконец, одна надпись говорит о царствовании Спартока, сына Перисада.¹⁵ Спарток, сын Евмела, назван царем не только в боспорской надписи, но и в декрете афинского народа, составленном в феврале 288 г. до н. э. в честь него.¹⁶ Царский титул носят и Перисад IV Филометор, и Камасария, дочь царя Спартока, в дельфийском декрете в честь них, изданном около 160 г. до н. э.¹⁷ Прибавил к своему имени титул «царя» Перисад II на фиале, пожертвованной им в сокровищницу Делосского храма.¹⁸ Свои титулы «царица» и «царь» отметили Камасария, дочь Спартока, и Перисад IV в надписях на золотых фиалах, пожертвованных ими Аполлону Дидимейскому в 156 и 154 гг. до н. э.¹⁹

По мнению некоторых исследователей, Спартокиды стали именовать себя с конца IV в. «царями», следуя примеру эллинистических монархов, принимавших в это время царский титул.²⁰ Я не могу полностью согласиться с данным предположением и полагаю, что Спарток, сын Евмела, объявляя себя царем, руководствовался не столько желанием следовать примеру соседних правителей, сколько стремлением довести до конца дело, начатое его дедом Перисадом I в последние годы жизни. Последний объявил себя «богом» и, установив в государственном управлении принцип абсолютного единовластия, назначил своим преемником на

¹² Ср.: IPE, II, №№ 6, 7, 343 (Левкон I), 8, 10, 11, 344—347 (Перисад I). В надписи IPE, II, № 9, являющейся четверостишием, называется ввиду условий стихосложения лишь один из титулов Перисада I, и этим титулом является не «царь», а «архонт»..

¹³ IPE, II, № 14. В других надписях, перечисленных в прим. 11, Спарток, сын Евмела, назван «архонтом» и «царем».

¹⁴ IPE, II, №№ 16, 17, 35. В последней из надписей назван «царем» не только сам Перисад, но и отец его Спарток.

¹⁵ IPE, II, № 18. Хронологическое определение времени царствования этого Спартока и его отца Перисада является пока невозможным (см.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 78).

¹⁶ Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 241 и сл. Может быть, прибавление царского титула к имени Спартока и является одним из признаков заискивания ослабевших Афин перед повелителем Боспора Киммерийского, которое устанавливает на стр. 242—243 Б. Н. Граков в своем комментарии к надписи.

¹⁷ ВДИ, 1939, № 3, стр. 250 (№ 15); см. также: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 79.

¹⁸ ВДИ, 1939, № 3, стр. 259 и сл. (№ 28).

¹⁹ Там же, стр. 266—267 (№№ 38, 39).

²⁰ См., например: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 63.

престоле Боспорского государства одного лишь своего старшего сына Сатира. Победитель во вспыхнувшей затем междоусобной войне младший его сын Евмел не успел, вероятно, во время своего краткого правления довести до конца реформы Перисада I, предоставив окончательное завершение их своему сыну Спартоку.²¹ Завершение Спартоком, сыном Евмела, реформ Перисада I, имевших целью дальнейшее укрепление наследственной, неограниченной монархии Спартокидов, должно было зародить в нем желание доказать исконность царской власти в его династии. В данных условиях должна была появиться местная историография, излагавшая прошлое Боспорского государства в угоду тенденции закрепить царское достоинство за первыми представителями династии Спартокидов. Если же царская власть последних возводилась к моменту возникновения династии, то тем самым отвергалась всякая возможность для сопоставления их господства с господством, приобретенным путем нарушения, т. е. с тиранией.

Указанная политическая тенденция проводится и в изучаемом нами отрывке местного исторического труда, сохраненного Диодором в 22–26 главах XX книги его «Библиотеки». Автор отрывка последовательно называет всех упоминаемых им в изложении событий представителей династии Спартокидов «царями».²²

В тексте отрывка мы находим вполне определенное указание на то, что автор рассматривал титул царя исконным правом всех властителей Боспора, а не только тех, которых он упоминает в своем изложении: он утверждал, что в «Пантикапее находилась всегда резиденция (басилейон) царствующих на Боспоре».²³ Данное утверждение приводится автором в рассказе о неудавшейся попытке Притана, самого младшего из братьев, захватить власть, опираясь на Пантикапей, и поэтому, очевидно, «все царствующие на Боспоре», которые «всегда» имели свой «басилейон» в Пантикапее, не могли быть никем иным, как представителями той династии, которая царствовала до сыновей Перисада I. Еще более определенное утверждение исконных прав Спартокидов на царский титул дано в «Библиотеке» Диодора в тех хронологических указаниях о времени правления отдельных Боспорских правителей, которые включены в текст XII, XIV и XVI книг труда сицилийского историка. Содержание их ограничивается по существу одним лишь перечислением имен и дат, но для решения нашей задачи они имеют значительный интерес, поскольку они называют

---

²¹ Возможно, конечно, что последующие раскопки докажут принятие царского титула уже самим Евмелом.

²² Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья, стр. 169. Это тонкое наблюдение Д. П. Каллистова, высказанное им впервые в историографии предмета, заслуживает полного признания.

²³ Диодор, XX, 24, 2.

«царем» и Спартока II, брата Перисада I,²⁴ и Левкона I, отца Спартока II,²⁵ и Сатира I, отца Левкона I,²⁶ и, наконец, родоначальника династии, самого Спартока I.²⁷ В особенности же существенным для определения политической тенденции, которую преследовал автор этих хронологических «экскурсов», является первый из них, содержащий упоминание о вступлении на престол родоначальника династии Спартокидов. Он был включен Диодором в текст 31 главы XII книги его труда в качестве второго события 3 года 85 Олимпиады, т. е. 438 г. до н. э.: «В Азии исполнилось сорок два года правления на Киммерийском Боспоре царей, называемых Археанактидами; власть получил (διεδεξατο) Спарток и правил семь лет».

Я уже выше отметил, что Спартокиды опасались отождествления их неограниченной, наследственной монархии с тиранией. Поэтому они должны были быть заинтересованы в доказательстве того, что власть их перешла к ним от предшественников не путем насилия, а мирным путем. Это доказательство дано в только что приведенных словах Диодора о том, что власть (ἀρχή) от царей, называемых Археанактидами, получил (διεδεξατο) родоначальник династии Спартокидов. Глагол же διαδεχομαι означает «принятие», «получение» от прежнего владельца чего-нибудь, как например «власти», и притом, очевидно, в результате мирного соглашения, а не нарушения права. Поэтому тот же глагол διαδεχομαι применяется в тексте Диодора и в других хронологических заметках, посвященных истории Боспорского государства, для выражения акта наследования власти старшего Спартокида младшим, например, в главе 93 XIV книги мы читаем, что в 4 год 96 олимпиады (393 г. до н. э.) «умер боспорский царь Сатир, сын Спартока, правивший четырнадцать лет; ²⁸ власть его наследовал (διεδεξατο) сын его Левкон на сорок лет». Тот же самый термин применяется и во всех других выше перечисленных заметках по хронологии Боспорского государства для обозначения наследования власти в пределах династии Спартокидов. Поэтому я полагаю, что глагол διαδεχομαι, определяющий форму перехода власти от династии Археанактидов к династии Спартокидов, должен был со всей определенностью и решительностью указать на мирный характер этого перехода.²⁹ Тем самым устанавли-

²⁴ Там же, XVI, 31, 6; 52, 10.

²⁵ Там же, XIV, 93, 1.

²⁶ Там же. Вопрос о длительности царствования Сатира I, сына Спартока I, я коснусь ниже (стр. 84).

²⁷ Там же, XII, 31, 1; 36, 1.

²⁸ Там же, XIV, 93, 1.

²⁹ Мне кажется, что Д. П. Каллистов должен был свое ценное положение о политической тенденции хронологических заметок Диодора по истории Боспорского государства (см.: Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья, стр. 169—170) подкрепить указанием на значение глагола διαδεχομαι, примененного в этих заметках.

ваается, что автор этих хронологических «экскурсов» проводит ту же политическую тенденцию, что и автор повествования о междоусобной войне сыновей Перисада I и о событиях краткого царствования Евмела, победителя в борьбе за царский престол. И тут, и там проводится мысль, что правители Боспора Киммерийского были «царями», а не «тиранами», как это утверждало большинство греческих историков вплоть до исчезновения Спартокидов с престола Боспорского государства. Д. П. Каллистов, также установивший тождество политической тенденции и в хронологических заметках, и в повествовании о событиях во время правления Сатира и Евмела, приходит к выводу, что и заметки, и исторический рассказ Диодора породило «одно и то же местное историографическое направление».³⁰

Я полагаю, что можно сделать еще более определенный вывод и утверждать с большой долей вероятности, что справки Диодора о времени правления царей Боспора I и IV вв. до н. э., а также и его историческое повествование о событиях, имевших место после смерти Перисада I, восходят к одному и тому же источнику. Одним из существенных аргументов в пользу моего утверждения является наблюдение Д. П. Каллистова об органической связи одной из хронологических справок Диодора с его историческим рассказом, начинающимся с 22-й главы XX книги его труда.³¹ Это шестая из хронологических справок Диодора по истории Боспорского царства, предвещающая рассказ о междоусобной войне между Сатиром и Евмелом: «В то же самое время³² в Понте после смерти Перисада, царя Киммерийского Боспора, сыновья его, Евмел, Сатир и Притан подняли между собою войну из-за власти (гегемонии). Старший из них, Сатир, получил власть от отца, царствовавшего тридцать восемь лет».³³ За этой датировкой следует предложение, которое восходит к творчеству самого Диодора, сократившего с помощью его начало рассказа источника, посвященное изложению причин, вызвавших междоусобную войну. За этой же фразой, результатом обычного стремления Диодора к сокращению своих источников, следует обстоятельный рассказ о войне между обоими братьями. Если бы этот рассказ был самостоятельным историческим произведением,

³⁰ Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья, стр. 170. Тем самым отвергается утверждение М. И. Ростовцева (М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Пгр., 1916, стр. 23 и сл.), что у Диодора были в руках два разных источника — хронологические таблицы и местный исторический труд, который, по его мнению, был «инспирирован Евмелом или одним из его потомков». Подобный вывод М. И. Ростовцев мог сделать, так как не отметил общую политическую тенденцию в обоих указанных им источниках.

³¹ Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья, стр. 169—170.

³² Дата — 3 год 117 Олимпиады, т. е. 310 г. до н. э. — отмечена в 3-й главе XX книги.

³³ Диодор, XX, 22, 1—2.

исключительно посвященным описанию событий, наступивших после смерти Перисада I, и не входил в состав более значительного исторического труда, то упоминание в хронологической справке о 38-летней длительности царствования Перисада I было бы излишним. Наличие же этого упоминания доказывает, что шестая хронологическая справка связана не только со следующим за ней историческим повествованием, но и с предшествующей ей пятой хронологической справкой Диодора (XVI, 52, 10), где сообщается, что в 348 г. до н. э. «умер понтийский царь Спарток, правивший пять лет; наследовавший же власть (гегемонию) брат его Перисад царствовал тридцать восемь лет». Сопоставляя пятую и шестую хронологические справки Диодора, мы видим, что в обеих справках Боспорские цари связаны с «Понтом»³⁴ и что имя «Перисад» имеет в обеих справках близкую форму Περισάδης греч. Παρισάδης в противоположность формам имени, засвидетельствованным у Страбона и Полизна, а также на эпиграфических памятниках.³⁵ Если же термином для «получения» (власти) служит в пятой справке глагол διαδεξάμενοι а в шестой справке глагол παρέληφει то это, конечно, ничего не доказывает, так как оба глагола имеют одно и то же значение «получить».

Правда, казалось бы возможным и такое предположение, что шестая хронологическая справка, связанная органически с предшествующими ей хронологическими справками по истории Боспорского государства, была присоединена к следующему за ней историческому повествованию Диодором, который нашел ее в другом самостоятельном источнике. Но подобное «творчество» со стороны Диодора является вряд ли правдоподобным, если мы учтем то чрезвычайно небрежное отношение к используемым источникам, которое отличает сицилийского историка.³⁶ Кроме того, указанное предположение требует для своего признания еще допущения наличия в руках Диодора двух самостоятельных источников по истории далекого для него Боспорского государства с ярко выраженной тождественной политической тенденцией, утверждающей за Спартокидами исконное право на царское до-

³⁴ В предшествующей хронологической справке (Диодор, XIV, 93, 1) отмечается, что Левкон умер в «Понте», а в шестой справке, как мы выше видели, — что началась междоусобная война между сыновьями Перисада.

³⁵ ВДИ, 1947, № 4, стр. 263, прим. 7. Эту же форму имеет имя и в папирсе Зеноновского архива (см.: Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии..., стр. 260). Здесь же дана обстоятельная грамматическая история имени Παρισάδης.

³⁶ См. то, что говорит о методике Диодора С. А. Жебелев в своей статье «Боспорские Археанактиды» (ЖМНП, 1902, март, стр. 137). Наконец, и сам Д. П. Каллистов указывает, что «вряд ли он (Диодор) самостоятельно соединил хронологическую заметку, заимствованную им из одного источника, с историческим повествованием, заимствованным совсем из другого» (Д. П. К а л л и с т о в, Очерки по истории Северного Причерноморья, стр. 170).

стоинство. Такое же допущение является весьма мало реальным, поскольку большинство из греческих историков, касавшихся истории Боспорского государства, считало, как я выше указывал, Спартокидов «тиранами», а не «царями». Строго говоря, один лишь Хрисипп, историк III в. до н. э., называет Спартокидов «царями»,³⁷ но тот же самый Хрисипп назвал в другом месте Спартокидов «тиранами».³⁸ Что же касается представителей так называемой «пестрой» литературы, таких, как Полиэн или Афиной, в отдельных отрывках из сочинений которых мы встречаем название Спартокидов «царями», то есть основание полагать, как мы увидим ниже, что эти их «удивительные рассказы» восходят к труду нашего крымского историка.³⁹ Если же представители историографического направления, объявлявшего Спартокидов «царями», а не «тиранами», были столь редким явлением среди греческих историков, то предположение, что Диодор, уроженец Сицилии, мог располагать двумя самостоятельными источниками подобного рода, должно встретить на пути своего признания большие затруднения. Стало быть, я имею право с большой долей вероятности утверждать, что хронологические справки Диодора о времени царствования Спартокидов V и IV вв. до н. э., а также и его историческое повествование о событиях во время царствования Сатира II и Евмела восходят к одному и тому же источнику, к труду крымского историка.

Допуская возможность указанного предположения, мы должны поставить вопрос о наличии в дошедших до нас античных исторических сочинениях тех отрывков изучаемого нами труда крымского историка, повествующих о державе Спартокидов V и IV вв. до н. э., которые были отброшены Диодором как мало интересные для него. Мы имеем, действительно, среди греческих историков автора, сохранившего нам сравнительно обильные данные по истории Боспорского государства, а именно Полиэна, посвятившего в 162 г. н. э. императорам Марку Аврелию и Луцию Веру свое сочинение «Стратегемата» в восьми книгах, содержащее 900 примеров военных хитростей. Ряд из них связан с правителями Боспора Киммерийского, но два повествуют о стратегемах, творцами которых являлись не властители Боспорской державы, а их противники. В первом из них (V, 23) выступает действующим лицом наварх Гераклеи Понтийской Тинних, который своей военной хитростью освободил Феодосию Понтийскую, «осажден-

³⁷ Страбон, VII, 3, 8; «Смотри также, что говорит Хрисипп о царях Боспора, овозглавленных Левконом», т. е. о Левконе и его преемниках.

³⁸ См.: ВДИ, 1947, № 3, стр. 276.

³⁹ Что же касается пролога к XXXVII книге труда Помпея Трога, в котором говорится о «царях» (reges) Боспора, то, очевидно, в этой суммарной передаче содержания XXXVII книги римского историка правители Боспора Киммерийского были охвачены титулом «царя», поскольку в число их входил и Фарнак, признанный римской традицией «царем».

ную соседними тиранами».⁴⁰ Героем второго рассказа (V, 44) был известный полководец второй половины IV в. до н. э. Мемнон, который «во время войны с боспорским тираном Левконом I⁴¹ хитроумным приемом разузнал о величине неприятельских городов и о числе их жителей». В пяти других рассказах Полиэна, упоминающих властелинов Боспорской державы, последние выступают творцами примененных против врагов стратегем, причем роль действующего лица в четырех из них (VI, 9, 1—4) играет Левкон I, названный в тексте просто по имени, а в пятом (VII, 37) — Перисад I,⁴² названный «понтийским царем». Особняком от этих рассказов стоит 55-я глава VIII книги Полиэна, в которой роль героини играет мэотянка Тиргатао, но творцом военной хитрости, гесп. подлости, является не она, а ее враг, «боспорский тиран Сатир».⁴³ Все эти восемь рассказов Полиэна, упоминающих боспорских властителей, заслуживают нашего внимания. Изучая их под указанным углом зрения, мы сможем тот или другой из рассказов определить как фрагмент повествования по истории Спартокидов V и IV вв. до н. э., который был Диодором опущен в качестве ненужного элемента для создания его «Библиотеки». Конечно, могут быть включены в восстанавливаемый нами источник Диодора лишь те из рассказов Полиэна, в которых можно предположить наличие той политической тенденции, которая была выше установлена и в хронологических справках, и в замечательном повествовании о бурных событиях царствований Сатира и Евмела, сохраненных в «Библиотеке» Диодора.

В следующих разделах сочинения Полиэна, как я уже выше указывал, правители Боспора Киммерийского названы «тиранами»: в рассказах о военных хитростях Тинниха и Мемнона и в повестях о героических деяниях Тиргатао. При изучении же их содержания становится очевидным, что они и по характеру, и по стилю не могут восходить к творчеству древнейшего историка СССР.

⁴⁰ См.: ВДИ, 1948, № 2, стр. 216 и сл. В примечаниях к переводу дан соответствующий комментарий.

⁴¹ К отождествлению Левкона в рассказе Полиэна с Левконом I (388—348 гг. до н. э.) см.: ВДИ, 1948, № 2, стр. 216, прим. 7; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 129; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 161. Надлежит отождествить с Левконом I и Левкона, героя четырех рассказов Полиэна, о которых я говорю непосредственно за данной стратегемой Мемнона (см.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 59, 63, 498, и т. д.).

⁴² См.: ВДИ, 1948, № 2, стр. 217, прим. 3; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 130.

⁴³ Сатир этого рассказа Полиэна отождествляется с отцом Левкона I Сатиром I (433 (?)—388 гг. до н. э.) (см.: ВДИ, 1948, № 2, стр. 218, прим. 7; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 132 и сл.; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 60 и др.). Следует еще упомянуть, что Полиэн в оглавлении V книги упоминает некоего Сатира, которому посвящена 49-я глава книги, от которой сохранилось только 48 глав.

Действительно, рассказ о стратегеме наварха Тинниха составлен не с точки зрения истории древней Тавриды, а с точки зрения истории Гераклеи Понтийской, которая до захвата власти тираном Клеархом в 364 г. до н. э. вела неоднократные войны и с Сатиром I, и с Левконом I в целях защиты Феодосии,⁴⁴ в самостоятельности которой этот город на южном побережье Понта был заинтересован.⁴⁵ Также и рассказ о стратегеме Мемнона является не эпизодом из истории войн Левкона I, а эпизодом из многочисленных войн, которые вел полководец Мемнон, со стратегическим талантом которого должен был считаться даже Александр Великий. В противоположность рассказам о Тиннихе и Мемноне рассказ о Тиргатае тесно связан с Боспором Киммерийским и содержит ряд моментов, свидетельствующих о некотором знакомстве подлинного автора этого рассказа с местной исторической обстановкой и бытовыми подробностями.⁴⁶ Зато по своему стилю эффектный рассказ Полиэна о подвигах Тиргатаа, несомненно, резко отличается от исторического повествования о событиях царствования Сатира и Евмела. Действительно, последнее было почти лишено каких-либо риторических приемов, в то время как драматический рассказ о героической мэотянке полон исторического риторизма.⁴⁷

Стало быть, определение характера власти правителей Боспорской державы как власти тиранической соответствует иным направлениям в историографии, нежели то, которому было свойственно утверждение за Спартокидами права на царский титул. Я выше отметил среди рассказов Полиэна, связанных с боспорскими правителями, один рассказ, в котором Спартокид Перисад I назван «понтийским царем». Его военной хитрости посвящена глава 37 книги VII, в которой перечислены стратегемы различных царей Персии, Египта и других стран. По мнению М. И. Ростовцева, в рассказе Полиэна «Перисад назван неточно Ποντου βασιλεύς и самый рассказ вырван из реальной исторической обстановки».⁴⁸ Я полагаю, что ни с тем, ни с другим утверждением М. И. Ростовцева нельзя безоговорочно согласиться, поскольку и для названия Перисада I «понтийским царем», и для самого содержания рассказа о нем можно найти свое соответствие в тексте Диодора, посвященном Боспорскому царству. Действительно, в историческом повествовании

⁴⁴ Я полностью присоединяюсь к остроумному предположению В. Ф. Гайдукевича, что тирания Клеарха поддерживала с помощью Гераклеи Феодосию против посягательства со стороны боспорских правителей (см.: В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 59, прим.).

⁴⁵ См.: Д. П. Каллистов, Очерки по истории Северного Причерноморья, стр. 214.

⁴⁶ См.: М. И. Ростовцев, Амага и Тиргатаа. Отдельный отиск из ЗОО, т. XXXII, 1915, стр. 9—10.

⁴⁷ Там же, стр. 9. Очевидно, рассказ о Тиргатаа восходит к одному из историков царствования Митридата Евпатора, для которого Спартокиды были тиранами.

⁴⁸ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 130.

о событиях, имевших место после смерти Перисада I, «Понт» называется в качестве той большой области, в состав которой входил и Боспор Киммерийский — «в Понте после смерти Перисада, царя Киммерийского Боспора, сыновья его Евмел, Сатир и Притан подняли между собой войну из-за власти». Следовательно, театром военных действий названа здесь область Понта, обнимающая собой и Боспорское царство, а в четвертой хронологической справке (XVI, 31, 6) сама смерть боспорского царя Левкона I локализуется в Понте — «умер в Понте боспорский царь Левкон после сорокалетнего царствования». Наконец, в пятой хронологической справке (XVI, 52, 10) локализуется не только смерть Спартока II в Понте, но и само царствование его в том же Понте — «в Понте умер Спарток, царь Понта (ὁ τοῦ Πόντου βασιλεύς), царствовавший пять лет».

Стало быть, мы находим в труде древнейшего историка СССР то же название правителя Боспорской державы, что и в рассказе о военной хитрости Перисада I в сочинении Полиэна.

Подобную же замену термина «Боспор Киммерийский» термином «Понт» мы находим и у знаменитых афинских ораторов, современников Спартокидов IV в. до н. э. Действительно, в так называемой, «трапезитской речи» Исократ истец указывает: Сатир I «поручил находящимся здесь (в Афинах) лицам из Понта отобрать у меня деньги и приказать самому вернуться».⁴⁹ Несомненно, «Понт» в данном месте речи означает здесь Боспорскую державу. В дальнейшем истец рассказывает о том, что он некоему лицу предложил взятые у того в Афинах деньги «получить в Понте» от его отца, который тем временем снова попал в милость к боспорскому правителю.⁵⁰ Очевидно, и здесь «Понт» заменяет собой державу Сатира. О таком же применении термина «Понт» свидетельствует и Демосфен в своей «речи против Лептина о беспощальности», когда он объясняет, почему хлеб, привозимый водою из Понта, по количеству равняется хлебу, привозимому из прочих рынков — «это происходит не только оттого, что эта земля производит огромное количество хлеба, но и потому, что ее правитель Левкон даровал беспощальность (купцам), везущим (хлеб) в Афины, и обнаружил приказ, чтобы отплывающие к вам грузились первыми».⁵¹ По контексту судя, Демосфен отождествлял «Понт» с Боспорской державой. Что же касается термина «Боспор», то он им здесь обозначал «Пантикапей».⁵² Отождествление Демосфеном Боспорского государства с «Понтом», а «Боспора» с «Пантикапеем» мы находим

⁴⁹ Трапезитик, 5 (см.: ВДИ, 1947, № 2, стр. 302).

⁵⁰ Трапезитик, 35 (см.: ВДИ, 1947, № 2, стр. 303).

⁵¹ Трапезитик, 31 (см.: ВДИ, 1947, № 3, стр. 236).

⁵² Трапезитик, 33: «...устроив новый торговый порт Феодосию, которая, по словам моряков, ничуть не хуже Боспора», т. е. Пантикапея (ВДИ, 1947, № 3, стр. 236). См. также указание Демосфена (Трапезитик, 36), что афиняне и Левкон «поставили плиты с копиями декретов — одну в Боспоре, другую в Пирее, третью в Гиере» (ВДИ, 1947, № 3, стр. 236).

также в его речи «против Формиона о займе», в которой он отмечает, что «Перисад в Понте объявил всенародно», что «желающий вывозить хлеб в Афины, в аттическую гавань, (имеет право) вывозить его беспошлинно; находившийся (тогда) в Боспоре Лампил предпринял вывоз хлеба» и т. д.⁵³ В таком же, казалось бы, значении использует термин «Понт» и противник Демосфена Динарх, когда он говорит о предложении Демосфена «поставить на площади медные статуи Перисада, Сатира и Горгиппа, тиранов с Понта».⁵⁴ Такая замена термина «Боспорское царство» более широким географическим термином «Понт» могла иметь место лишь в IV—начале III в. до н. э., когда среди государств, сложившихся на побережье Черного моря, Боспорская держава после присоединения Феодосии играла наиважнейшую роль во ввозе хлеба в Грецию, и особенно в Афины. Лишь в тот отрезок времени упоминание в каком-либо тексте термина «Понт» вызывало у всякого читателя представление о Боспорской державе, ибо последняя затмила собой все прочие соседние государства. В более позднее время, когда стали постепенно усиливаться государства на южном побережье Понта — Вифиния, и в особенности Понтийское государство,⁵⁵ название боспорского царя «царем Понта» в историческом труде того времени было бы не только «неточным», говоря словами М. И. Ростовцева, но было бы и невозможным. Поэтому название Спартока II в пятой хронологической справке Диодора (XVI, 52, 10) и Перисада I у Полиэна (VII, 37) «царем Понта» дает историку ценное хронологическое указание: названные тексты восходят к историческому труду, который был составлен не позже середины III в. до н. э. Стало быть, древнейший труд по истории СССР должен быть датирован этим временем, так как хронологические справки Диодора восходят с большой долей вероятности, как мы выше видели (стр. 79 и сл.), к тому же автору, что и историческое повествование Диодора о событиях конца IV в. до н. э. на Боспоре, т. е. к тому же крымскому историку.

Надо полагать, в этот труд должен быть включен и рассказ Полиэна о Перисаде I, поскольку последний удостоен здесь титула «царя». Правда, как мы выше видели, М. И. Ростовцев указал на то, что данный рассказ Полиэна «вырван из реальной исторической обстановки» и был поэтому, по его мнению, взят Полиэном из какого-нибудь сборника анекдотов.⁵⁶ Но я полагаю, что это утверждение М. И. Ростовцева не находит достаточного подтверждения в самом содержании рассказа Полиэна. Здесь (VII, 37) повествуется, что «Перисад в одной одежде строил войско, в другой — вступал в битву с врагами, в третьей — обращался в бегство в слу-

⁵³ Трапезитик, 36 (см.: ВДИ, 1947, № 3, стр. 237).

⁵⁴ Речь против Демосфена, 43 (см.: ВДИ, 1947, № 3, стр. 253).

⁵⁵ К истории последних см.: А. Б. Р а н о в и ч. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 95, 113, 117, 127.

⁵⁶ См.: М. И. Р о с т о в ц е в. Скифия и Боспор, стр. 130.

чае надобности: ставя войско в строй, он хотел быть видным для всех, в опасности (не хотел) быть видным никому из врагов, (наконец) во время бегства он (не желал) быть узанным ни своими, ни врагами».

Этот рассказ Полиэна о перемене Перисадам I одежды своей в соответствии с отдельными фазами или исходом сражения можно столь же удобно включить в изложение древнейшего историка СССР, как и рассказ о прорицаниях, существовавших относительно смерти Евмела и Сатира.

Данный рассказ Диодора (XX, 26) заканчивал повествование историка о деяниях обоих названных правителей Боспорского государства, а рассказ Полиэна о военной хитрости Перисада I, наверное, служил заключением не дошедшего до нас рассказа, посвященного истории военных удач и неудач Перисада.

На основании сказанного я и пришел к выводу, что рассказ о Перисаде I был взят Полиэном из сочинения, включившего в свое изложение некоторую часть изучаемого нами труда древнейшего историка СССР. В связи с этим выводом надлежит отметить, что первоначальный текст нашего историка у Полиэна был передан несколько более точно, нежели у Диодора, поскольку имя Перисада передавалось не в форме *Περισαδης*, как у Диодора, а в форме *Παρισαδης*, засвидетельствованной на боспорских эпиграфических памятниках.⁵⁷

Я уже выше указал, что Полиэн сохранил нам четыре рассказа о стратегемах Левкона I, в которых последний назван лишь по имени. Все эти рассказы включены в главу 9 книги VI сочинения Полиэна, в первых 12 главах которой были перечислены стратегемы ряда полководцев, не укладывавшихся в систему классификации предшествующих и последующих книг труда. Дело в том, что VI книга является переходом от главной части труда Полиэна (книги I—V), посвященной в основном повествованию о военных хитростях греческих полководцев, к дополнительной части (книги VII—VIII), перечислявшей стратегемы негреческих полководцев и целых негреческих народностей, а также подвиги ряда героических женщины.⁵⁸ Причину же включения четырех стратегем Левкона в VI книгу я усматриваю в действенном отношении греческих историков к Спартокидам, рассматривавших, как например Страбон, последних то в качестве греков,⁵⁹ то в качестве варваров.⁶⁰

⁵⁷ См. прим. 37.

⁵⁸ См.: М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 128 и сл. Здесь дан М. И. Ростовцевым обстоятельный историко-критический анализ сочинения Полиэна, учитывающий предшествующую литературу.

⁵⁹ Страбон (VII, 4, 4) указывает на то, что последний представитель династии Спартокидов, «будучи не в состоянии бороться с варварами, требовавшими большей дани, чем прежде, уступил власть Митридату Евпатору». Очевидно, он здесь противопоставляет Перисада V варварам.

⁶⁰ Страбон (VII, 3, 8) отмечает добродетели, свойственные варварам, и называет наряду с представителями различных негреческих народов, со ссылкой

В VII книге своего труда Полиэн поместил, как мы только что видели, Спартокида с негреческим именем «Перисад», а в VI книгу, повествующую о стратегемах таких греческих полководцев, как Филопмен и Арат, он включил рассказ о военных хитростях Спартокида с греческим именем «Левкон». Из этих же соображений он ввел в VI книгу Пирра, царя Эпира, население которого еще в эпоху персидских войн считалось варварским.

Как я уже сказал, Левкон во всех четырех рассказах, посвященных его стратегемам, назван лишь по имени, вне связи с титулом царя, и поэтому могут возникнуть сомнения в возможности включения данной главы Полиэна в древнейший труд по истории СССР. Но я полагаю, что это обстоятельство само по себе не может еще служить аргументом для доказательства невозможности включить рассказы о Левконе в восстанавливаемый нами труд по истории Боспорского царства.

Дело в том, что и Пирр,⁶¹ и ряд других исторических деятелей, которые заведомо имели право на титул «царя», названы Полиэном в посвященных им рассказах одним лишь их именем: царь Египта Амасис, цари Лидии Алиат и Крез, персидский царь Камбис⁶² и др. Надо полагать, что отсутствие соответствующего титула у тех или других героев рассказов Полиэна было обусловлено его весьма примитивной методой составления своего собрания стратегем: он выписывал свои эксцерпты почти без изменения и без каких-нибудь пояснительных замечаний. В любом же историческом труде действующие лица, представленные читателю в начале изложения, называются в дальнейшем уже по одному лишь имени с опущением царского титула. Даже в изучаемом нами местном труде по истории Боспорского царства Сатир и Евмел лишены в самом изложении событий их правления царского титула, несмотря на преследуемую автором политическую тенденцию доказать исконное право Спартокидов на титул «царя». Поэтому и Полиэн выводил героев своих рассказов лишенными присущего им титула «царя» во всех тех случаях, когда он находил нужный для себя эксцерпт не в начале или заключении изложения, а в середине повествования используемого им исторического труда. Так обстояло, наверно, дело и с четырьмя эксцерптами о стратегемах Левкона. Они по характеру своего содержания не могут быть локализованы в начальной или заключительной части труда, посвященного крупным событиям правления Левкона, так как они не содержат в себе ни элементов введения, ни какого-либо обобщения. Все описанные в них мероприятия Лев-

на Хрисиппа (III в. до н. э.), и Левкона (см.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 55).

⁶¹ Пирр называется по имени и в тех рассказах Полиэна, где он не выступает действующим лицом (VIII, 49, 62 и 68).

⁶² Даже Кир только в одном из 10 рассказов, посвященных его стратегемам, связан с титулом царя (см.: Полиэн, VII, 6, 7).

кона I являлись однократными, так как были связаны с одним каким-нибудь конкретным фактом, имевшим место во время его правления. Первое из них имело целью обогатить его казну путем ухудшения монеты. Вторым мероприятием Левкон стремился обезопасить себя от заговора со стороны «друзей» и части граждан с помощью теснейшего союза с торговыми кругами своего государства. В двух последних рассказах описаны мероприятия, которые были вызваны войной с Гераклеей Понтийской, препятствовавшей наступлению Левкона на Феодосию.

В пользу моей локализации эксцерптов о Левконе говорит и отсутствие общей характеристики Левкона и каких-нибудь хронологических указаний,⁶³ поскольку общая характеристика исторического деятеля дается в заключении изложения его деяний, а хронологические сведения излагаются в самом начале.

Стало быть, на основании приведенных мною доводов, можно допустить, что четыре эксцерпта Полиэна о Левконе были выписаны из основной части изложения исторического сочинения, в которой уже не было надобности снова и снова отмечать царский титул того или другого деятеля, поскольку последний был назван «царем» в вводной части текста.⁶¹ Правда, имеется, казалось бы, еще возможность предположить, что в вводной части эксцерптируемого текста Левкон был назван не «царем», а «тираном», подобно тому, как он был назван «тираном» в вышеприведенном рассказе того же Полиэна (V, 44) о стратегеме Мемнона. Но этому предположению противоречит то обстоятельство, что Полиэн обычно отмечает тираническую власть правителя, которого он вводит в свое повествование, например Писистрата (I, 2), Поликрата (I, 23), Архина (III, 8), Дионисия (V, 2), Агафокла (V, 3), Гиппиха (V, 14), Кипсела (V, 31), Аполлодора (VI, 7), Фрасибула (V, 47), Гегесия (VI, 49) и т. д.⁶⁵ Подобный прием Полиэна был обусловлен, надо думать, желанием писателя дать уже в самом на-

---

⁶³ Это наблюдение сделал уже М. И. Ростовцев (Скифия и Боспор, стр. 135), но из этого правильного наблюдения он делает неправильный вывод, что «заметки о Левконе взяты Полиэном не непосредственно из первоисточника, а из какого-либо сборника рассказов, где они уже утратили свою историческую индивидуальность». С данным выводом М. И. Ростовцева уже и потому нельзя согласиться, что он противоречит той весьма положительной оценке, которую дает М. И. Ростовцев непосредственно затем этим четырем рассказам о Левконе как историческому источнику.

⁶¹ Ср., например, рассказы Полиэна о Кире (VII, 6, 6 и 8) и соответствующее повествование у Геродота (I, 80, 190 и сл.). Я не хочу утверждать, что Полиэн брал упомянутые рассказы непосредственно у Геродота, но и используемый им историк в основной части своего изложения деяний Кира не назвал последнего снова и снова «царем».

⁶⁵ Если же Полиэн Ясона и его племянника Александра, обоих ферейских тиранов, не называет тиранами, то это было обусловлено тем, что ему, уроженцу Македонии, названных два фессалийских тирана были слишком хорошо известны.

чале своего рассказа представление, и притом отрицательное, о вводимом в его повествование историческом деятеле.⁶⁶

Возможно еще и то предположение, что Левкон в главе, посвященной его стратегемам, не назывался «тираном», так как его глава была определена тиранией в предшествующем тексте, в главе, посвященной военным хитростям полководца Мемнона (VI, 44, 1). Но и это предположение является мало вероятным, ибо Полиэн имел обыкновение называть «тиранами» соответствующих исторических деятелей не только в главах, посвященных их стратегемам, но и часто и вне их, например сицилийских тиранов Дионисия⁶⁷ и Агафокла⁶⁸ или тирана Касандреи.⁶⁹ Поэтому мы имеем право предположить, что рассказ Полиэна (V, 44, 1), называющий Левкона «тираном», и четыре примера стратегем самого Левкона, не называющих его «тираном», а лишь по имени, являются выдержками македонского писателя из двух различных источников. Данное предположение в сильнейшей степени подкрепляет тот факт, что по своему содержанию оба эксцерпта Полиэна весьма резко отличаются друг от друга. Первый из эксцерптов, упоминающий Левкона, входит в состав главы сочинения Полиэна, посвященной, как мы выше видели (стр. 84), стратегемам родосца Мемнона, и является поэтому рассказом об эпизоде одной из многочисленных войн Мемнона, а не рассказом об эпизоде из истории войн Левкона I.

Второй же из эксцерптов заполняет собой главу сочинения Полиэна, посвященную стратегемам, примененным самим Левконом, и поэтому связан с историей Боспорского государства. Содержание его по своей насыщенности и конкретности изложения не отличается от выше исследованного нами исторического повествования о междоусобной войне сыновей Перисада I, восходящего к творчеству древнейшего историка СССР. М. И. Ростовцев, давая оценку главе Полиэна о стратегемах Левкона, утверждает, что ее «сведения сами по себе несут характер полной исторической достоверности и дают богатую и яркую картину особенностей строя Боспора».⁷⁰ Очень близки рассказы Полиэна о Левконе к повествованию о борьбе сыновей Перисада I за власть по тому эпически спокойному отношению к описываемым актам коварства и жестокости, которое мы наблюдаем и тут, и там. Случай коварства без какого-либо слова осуждения приводится Полиэном во втором из

---

⁶⁶ Об отрицательном отношении Полиэна к тирании свидетельствует его замечание в рассказе об Эриксе (VIII, 41), что царь Кирены Лаарх «превратился из царя в тирана, пользуясь всяким беззаконием против граждан».

⁶⁷ В посвященных ему главах 2 и 9 книги V.

⁶⁸ В главе 3 (посвященной его стратегемам) V книги и в главах 15 и 37 той же книги.

⁶⁹ В главе 7 (посвященной ему) VI книги и в главах 6, 18 книги IV, посвященной стратегемам Антигона.

⁷⁰ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 134.

примеров стратегем Левкона. Последний, узнав во время войны с Гераклеей о подготовляемой некоторыми триерархами измене, схватывает их, но заявляет им, что не верит слухам об их преступлении, и одновременно с этим показывает их родственникам свою «благосклонность». Когда же война кончилась и опасность для Левкона миновала, он призвал их всех на суд, «чтобы его недоверие к ним не казалось неосновательным. Когда же пришли в здание суда вместе со (своими) родственниками, Левкон окружил их вооруженной силой и приказал всех их перебить».⁷¹ Автор рассказа, отметив без каких-либо прикрас коварство и вероломство Левкона, столь же безоговорочно повествует о жестокой расправе его не только с изменившими ему триерархами, но и с их родственниками. Крымский историк в своем повествовании о деяниях сыновей Перисада I столь же беспристрастно увековечил беспощадную резню, учиненную Евмелом после победы в борьбе за престол среди родственников и приверженцев своих погибших братьев. Стиль изложения и в повествовании о «подвигах» Левкона, и в повествовании о «подвигах» Евмела настолько близок, что невольно зарождается мысль о тождестве автора и того, и другого рассказов. За это же говорит и один общий обоим рассказам момент, а именно интерес к торговым кругам, которые в значительной своей части рекрутировались из метеков.

Интерес к последним нашел свое отражение в повествовании о деяниях Евмела в рассказе о его борьбе с пиратами.⁷² У Полиэна интерес автора к торговым кругам надлежит отметить и в рассказе (VI, 9, 2) о привлечении купцов для ликвидации заговора среди «друзей» и части граждан, а также, я полагаю, и в рассказе (VI, 9, 1) об ухудшении Левконом боспорской монеты.⁷³

Я завершил исследование тех рассказов Полиэна, которые упоминают боспорских правителей, и пришел в результате его к выводу, что пять из них — четыре рассказа о Левконе I и один о Перисаде I — могут быть с большой долей вероятности включены в восстанавливаемый местный труд по истории Боспора Киммерийского.

Но у Полиэна имеются еще несколько рассказов, относительно которых может быть поставлен вопрос о включении их в указанный труд. Это три рассказа, которые имеют отношение к северному Причерноморью, хотя и не содержат эпизодов из истории Боспорского царства. Первый из них (VII, 44, 1) — рассказ о военной хитрости скифов, примененной ими в сражении с трибаллами,⁷⁴

⁷¹ Полиэн, VI, 9, 3.

⁷² Диодор, XX, 25, 2.

⁷³ Это была одна из первых попыток введения своеобразной «кредитной» монеты, которая должна была привлечь внимание боспорских торговых кругов, а также и иностранных купцов.

⁷⁴ Другой рассказ (VII, 44, 2) о военной хитрости скифов, используемой ими в войне с их собственными рабами, я не привлекаю для моего исследования, так как он явно восходит к Геродоту (IV, 3).

второй (VII, 46) посвящен описанию приема тавров лишать себя возможности бегства в случае поражения и, наконец, третий (VIII, 56) повествует о подвигах Амаги, жены Медосакка,⁷⁵ царя сарматов.

Военная хитрость скифов, описанная в первом из только что перечисленных рассказов у Полиэна, сводится к тому, что «скифы перед сражением с трибаллами приказали земледельцам и коневодам показаться вдали с табунами лошадей, когда узнают, что они вступили в сражение с врагами». Трибаллы, увидев приближавшееся громадное количество людей и лошадей, окутанных облаками пыли, решили, что большое войско идет на помощь их врагам, и обратились в бегство. Рассказ Полиэна, несмотря на свою краткость, содержит ряд интересных исторических сведений и сообщает, между прочим, о весьма существенном факте наличия в скифском обществе некоторого количества людей, не имевших, очевидно, права носить оружие.⁷⁶ Стало быть, по характеру своего содержания данная стратегема Полиэна может быть в конечном счете возведена к восстанавливаемому нами историческому труду, созданному в древней Тавриде. Автора последнего история скифского народа должна была интересовать. По датировке упомянутого в стратегеме сражения рассказ Полиэна может быть включен в древнейший труд по истории СССР, который был составлен, как мы выше видели (стр. 92), не позже середины III в. до н. э. Датировка сражения скифов с трибаллами не сохранилась, правда, в рассказе Полиэна, не называвшего имя скифского царя, но имя последнего мы находим в собрании стратегем, составленных Юлием Фронтинум, писателем второй половины I в. н. э. Здесь (II, IV, 20) мы находим ту же стратегему, примененную в сражении между скифами и трибаллами, но творцом ее является в противоположность рассказу Полиэна не вся скифская народность, а царь ее Атей.⁷⁷ Царь же Атей, объединивший большинство скифских племен,⁷⁸ был современником царя Македонии Филиппа II, с которым он вел ожесточенную войну.⁷⁹ Стало быть, войну скифов с трибаллами надлежит датировать примерно серединой IV в. до н. э., а событие этого времени могло быть описано древнейшим историком СССР, жившим, надо по-

⁷⁵ Т. е. имя-гибрид «мидянин-сак» (скиф). Ср. утверждение Юстина (XI, 2, 3): «Язык у них (парфян) — средний между скифским и мидийским, поменьше того и другого».

⁷⁶ Полиэн, VI, 14, 19. (см.: ВДИ, 1948, № 2, стр. 218, прим. 1, со ссылкой на исследование А. П. Смирнова «Рабовладельческий строй у скифов-кочевников», М., 1935).

⁷⁷ К переводу этого места Фронтинума см.: ВДИ, 1946, № 1, стр. 246; 1949, № 2, стр. 356. Оба перевода весьма существенно отличаются друг от друга в интерпретации текста, определяющего состав той толпы, которая должна была представить приближающееся вспомогательное войско скифов. Текст Полиэна и текст Фронтинума не восходят к какому-то общему источнику.

⁷⁸ См.: Б. Н. Граков. Скифы. Киев, 1947, стр. 32.

⁷⁹ Страбон, VII, 3, 18; Юстин, IX, 2.

лагать, в конце IV и в первой половине III в. до н. э. За возведение стратегемы скифского царя Атея к труду нашего историка говорит и то обстоятельство, что в данной стратегеме мы встречаем благожелательное или во всяком случае безразличное отношение к скифам, столь резко отличающееся от того чувства жгучей ненависти, которой дышит Диофантова надпись, заявляющая о «рожденном вероломстве скифов».⁸⁰ Эта ненависть была обусловлена стремлением скифов, перенесших к концу III в. до н. э. под давлением сарматов и кельтов свой центр в Крым, завладеть опорными пунктами на побережьи, что привело их к столкновениям и с Херсонесом, и с Боспорским царством.⁸¹ Поэтому отсутствие неприязненного отношения к скифам в стратегеме царя Атея и предоставляет мне лишний довод в пользу возведения рассказа о ней Фронтин и Полиэна к труду нашего историка, датированному мной концом IV в. и первой половиной III в. до н. э. Этот же довод лишает меня возможности включить рассказ Полиэна о доблестных деяниях Амаги, жены царя сарматов, в восстанавливаемый труд по истории Боспорского царства. Рассказ о подвигах Амаги пронизан такой ненавистью к скифам, нападавшим на область Херсонеса, что М. И. Ростовцев был вполне прав, когда он видел автора рассказа о славной царице сарматов в одном из представителей школы херсонесского историка Сирика.⁸²

Остается рассмотреть еще последний из рассказов Полиэна, связанный с северным Причерноморьем, а именно его краткую заметку о таврах: «Тавры, скифское племя, предпринимая войну, всегда перекапывают дорогу в тылу и, сделав их непроходимыми, вступают в бой, чтобы, не имея возможности бежать, победить или умереть».⁸³ Подобный прием приготовления себя к сражению прекрасно согласуется с неукротимым мужеством этого воинственного племени, которое своим упорным сопротивлением отодвинуло оседание греков на Таврском побережьи к концу V в. до н. э.⁸⁴ Если же тавры названы здесь «скифским племенем», что противоречит указанию Геродота (IV, 99), отличавшего тавров от скифов, то это этническое определение тавров, надо полагать, было внесено одним из последующих экскерпторов, использовавшим утверждение Страбона (VII, 4, 2), что тавры были «скифским

⁸⁰ Строки 15—16 надписи (см.: В. В. Струве. Восстание Савмака. ВДИ, 1950, № 3, стр. 34).

⁸¹ См.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 299, 529 и сл.

⁸² М. И. Ростовцев. Амага и Тиргатао, стр. 8. В «Скифии и Боспоре» (стр. 137) М. И. Ростовцев готов возвести рассказ об Амаге к самому Сирику.

⁸³ Полиэн, VII, 46.

⁸⁴ Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 33—34, со ссылкой на ценное исследование акад. А. И. Тюменева «Херсонесские этюды» (ВДИ, 1938, № 2). Ср. также: А. А. Иессен. Греческая колонизация северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 75.

племенем». Если можно согласиться с подобным предположением, то устраняется препятствие, мешающее включить рассказ Полиэна о таврах в восстанавливаемый труд нашего историка.

Я полагаю, что не только у Полиэна сохранились фрагменты восстанавливаемого большого труда по истории Боспора Киммерийского. Крошечный фрагмент из труда нашего историка с намеком на его традицию я готов найти в 309-м стихе памфлета Овидия «Ибис» и в объяснении схолиаста названного стиха великого римского поэта. Овидий желает своему недругу: «... пусть будет признана невинной за твое убийство прелюбодейка, подобно тому, как признана была невинной та, от мести которой пал Левкон».⁸⁵ По мнению Эллиса, одного из издателей указанного сочинения Овидия, названный поэтом «Левкон» является легендарным персонажем — сыном Атамента и Темпето, которая по ошибке убивает его, своего сына.⁸⁶ Но этому предположению противоречит схолиаст к Овидию, который видит в упомянутом Левконе историческое лицо, а именно «одного из понтийских царей», убившего своего брата Спартока, любовника своей жены Алкатои, и убитого затем последней.⁸⁷ По мнению некоторых исследователей, отвергающих вполне закономерное отождествление Левкона Овидия с Левконом I, частица исторической традиции о Левконе II⁸⁸ сохранилась в приведенном стихе римского поэта и его схолиаста, который датируется теперь третьей четвертью III в. до н. э. Я полагаю, что датировка Левкона, упоминаемого Овидием, столь поздним временем является неприемлемой, поскольку схолиаст говорит не о боспорских царях, а о «понтийских царях», а последнее название могло применяться лишь к тем представителям династии Спартокидов, которые правили не позже первой половины III в. до н. э., когда Боспорское царство еще занимало первенствующее место среди государственных образований в припонтийской области. Со второй половины III в. до н. э. условия изменились, как мы выше видели (стр. 87), так как наряду с Боспорским царством появились другие, не менее сильные государства и поэтому название боспорских правителей «понтийскими царями» было бы уже невозможным. В эпоху господства Рима, следившего за сохранением равновесия сил в припонтийских областях, подобное название для правителей Боспора Киммерийского было столь же недопустимым. Они, властвовавшие тогда над всей Тавридой, назывались «боспорскими царями», согласно свидетельству Страбона (VII, 4, 7): «Теперь вся эта страна состоит под властью боспорских царей, которых по усмотрению на-

⁸⁵ К переводу см.: М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 139 (ср.: ВДИ, 1949, № 1, стр. 243).

⁸⁶ См.: ВДИ, 1949, № 1, стр. 243, прим. 4.

⁸⁷ Там же, стр. 244.

⁸⁸ IPE, II, стр. XVI; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 139.

значают сюда римляне».⁸⁹ Если и в римское время правители Боспора Киммерийского не назывались «понтийскими царями», то, стало быть, схолиаст Овидия мог почерпнуть свои сведения об «одном из понтийских царей» Левконе лишь из сочинения, восходящего в конечном итоге к источнику, датируемому временем не позже III в. до н. э. В таком случае упоминаемый Овидием Левкон должен быть отнесен не к третьей четверти III в. до н. э., а к более ранним десятилетиям этого века. Я поэтому готов видеть в Левконе и его брате Спартоке, увековеченных схолиастом Овидия в качестве представителей «понтийского» царского дома, царя Спартока, сына Евмела, и неизвестного нам до сих пор младшего брата его Левкона. Мое объяснение не опровергается тем фактом, что схолиаст не назвал Спартока «царем», ибо это можно легко объяснить предельной краткостью его комментария, интересующегося не порядком следования «понтийских царей», а лишь той любовной трагедией, которая имела место при их дворе и привела к гибели двух братьев, мужа и любовника женщины по имени «Алкатоя». Соглашаясь с моим предположением, надлежит представить себе историю Спартокидов рубежа IV и III вв. до н. э. следующим образом: Евмел, умерший рано, после пятилетнего царствования, в 304 г. до н. э., оставил двух сыновей, вероятно, еще очень молодых — Спартока и Левкона. Жена Левкона Алкатоя стала любовницей царствующего Спартока, и ее муж из ревности убил своего старшего брата после двадцатилетнего царствования.⁹⁰ Став царем, Левкон оставался на престоле, наверное, недолго вследствие мести своей жены Алкатои.⁹¹ Убийство Левкона и вступление на престол Перисада, сына Спартока, пришлось, вероятно, на 281 г. до н. э.

На основании сказанного можно с некоторой долей вероятности предположить, что Овидий и его схолиаст вырвали из бездны забвения частицу исторической традиции Боспора Киммерийского, сохранившую нам, правда, к великому сожалению, сведения не о судьбах боспорского народа, а лишь о «тайнах Боспорского двора». Но и о последних мог сообщать древнейший историк СССР, ибо и они входили в сложный состав процесса развития общества, историю которого он стремился, говоря словами херсонесского историка Сирика, «описать трудолюбиво». Другую частицу его трудолюбивого описания я надеюсь с наименьшей долей вероятности установить в том громадном материале, который

---

⁸⁹ О «боспорских царях» говорит и новелла Лукиана «Токсарис или дружба», восходящая к поздним источникам (см.: ВДИ, 1948, № 1, стр. 310; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 496—97).

⁹⁰ Диодор (XX, 100, 7) свидетельствует о двадцатилетнем царствовании Спартока, сына Евмела.

⁹¹ Алкатоя убила своего мужа Левкона, если верить свидетельству Овидия, таким образом, что «была признана невинной».

собрал египтянин Афиней, писатель рубежа II—III вв. н. э. Среди эксцерптов, заполнивших 15 книг его сочинения «Обед софистов», имеются два рассказа, связанные с именами двух боспорских правителей, Левкона и Перисада. Правда, первый из них, посвященный Левкону, и надо полагать Левкону I, восходит не к труду древнейшего историка СССР, поскольку Левкон I здесь назван «понтийским тираном», а не «понтийским царем». В дальнейшем развитии рассказа Левкон подчеркивает тиранический характер своей власти, указывая льстецу, клеветавшему на других: «...я убил бы тебя, клянусь богами, если бы твоя жена не нуждалась в негодях».⁹² Такая резко определенная оценка поступков тех персонажей, которые выступали действующими лицами в описываемом историческом процессе, является несвойственной, как мы выше видели, характеру повествования нашего историка. Поэтому и по определению власти, носителем которой был Левкон, и по характеру своего изложения рассказ Афиней о Левконе не может быть включен в восстанавливаемый мной древнейший труд по истории СССР. Зато в него может быть включен второй из рассказов Афиней, связанных с именами боспорских правителей, а именно с Перисадом, и несомненно с Перисадом I, поскольку этот рассказ восходит к сочинению Махона, писателя первой половины III в. до н. э.⁹³ Рассказ повествует о том, что знаменитый «кифарист Стратоник отплыл к Перисаду»⁹⁴ в Понт, когда тот царствовал, и об остроумном ответе музыканта, когда царь его никак не хотел отпускать обратно в Грецию. Коль скоро Перисад назван здесь «царем Понта», то мы имеем веское основание связать этот рассказ Афиней до некоторой степени с трудом нашего историка. Конечно, данная крохотная частица подлинной исторической традиции древней Тавриды дошла до нас в сильно переработанном виде, так как главную роль в ней играет не царь Понта Перисад, а кифарист Стратоник. Очевидно, выше названный Махон весьма значительно видоизменил дошедший до него из какого-то источника рассказ о царе Перисаде I и музыканте Стратонике, чтобы включить его в свое сочинение, посвященное *Ἀποφθίγγατα* знаменитых музыкантов Греции. М. И. Ростовцев указывает, что Махон брал у Линкея, брата известного

⁹² Афиней, VI, 71 (ср.: ВДИ, 1948, № 2, стр. 289). Поскольку Левкон назван не «боспорским», а «понтийским» тираном, надо полагать, что сочинение, из которого черпал Афиней, восходило к источнику, датируемому рубежом IV—III вв. до н. э. Во всяком случае он относился ко времени, когда Феодосия была включена в державу Спартокидов и та на десятилетия стала наиболее мощным понтийским государством.

⁹³ Афиней, VIII, 51 (см.: М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 126, прим. 2, стр. 129).

⁹⁴ Имя Перисада передается здесь в форме, тождественной с именем одного из представителей фракийской династии Одрисов, правившего в 359—356 гг. до н. э. (см.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 495, прим. 5).

историка Дуриса, материал для своего сборника, и высказывает поэтому предположение, что он у Линкея же взял рассказ о пребывании кифариста Стратоника при дворе Перисада.⁹⁵ Если это действительно было так, то вполне возможным является предположение, что Линкей, а также и брат его Дурис имели в своем распоряжении источник по истории Боспора Киммерийского, из которого Линкей черпал материал для своей истории музыки, а Дурис — для мировой истории эпохи раннего эллинизма. Таковым источником мог быть восстанавливаемый мной труд по истории СССР, и я попытался это мое предположение сделать максимально вероятным в одном из моих последних исследований.⁹⁶

Я пришел к концу моего исследования, посвященного выделению в дошедшей до нас античной литературе тех мелких отрывков, которые восходили к труду древнейшего историка нашей родины, жившего в Херсонесе в качестве метэка⁹⁷ на рубеже IV—III вв. до н. э. Собранные мной *membra disjecta* труда крымского историка обогащают наши знания об объеме и о характере этого замечательного произведения нашей отечественной историографии. Они доказывают, что исторический труд метэка из Херсонеса обнимал собой историю Спартокидов начиная с того момента, когда они заменили собой Археанактидов, правивших до них на Боспоре. Вместе с тем надлежит отметить, что эти отрывки подчеркивают отсутствие насилия при переходе власти от Археанактидов к Спартокидам, ибо тем самым доказывается, что последние имели законное право на престол в боспорском государстве, а поэтому должны были называться «царями» («басилевсами»), а не «тиранами». Один из отрывков, восходивший к труду крымского историка, сообщает нам о вхождении в войско царей Боспора и граждан, а не только наемников, вместе с тем он свидетельствует о включении в иных случаях в боспорское войско и торгового люда. Данное сообщение, а также и упоминание в другом отрывке факта порчи монеты одним из Спартокидов свидетельствует об интересе метэка из Херсонеса к торговым кругам Боспорского царства. Он не оставлял без внимания и такие явления культуры, как пребывание знаменитого музыканта при дворе Боспорского царя. Наш историк не остановился, как мы видели, и перед включенным в свой труд повествования о любовной интриге при царском дворе. Для характеристики древнейшего историка нашей родины надлежит отметить, что он сделал объектом своего повествования не только полисы Боспорского царства, но также и скифов и тавров.

⁹⁵ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 129.

⁹⁶ Я сделал попытку доказать это положение в исследовании, которое должно быть опубликовано в юбилейном сборнике в честь Н. В. Пигулевской.

⁹⁷ Я высказал предположение, что древнейший историк СССР был метэком из Херсонеса в том же моем исследовании, которое было посвящено юбилею Н. В. Пигулевской.

Подобный интерес к негреческому населению древнего Крыма у нашего историка, я полагаю, был обусловлен его положением в качестве метэка, отсюда близость к торговым кругам, которые были заинтересованы в сношениях не только с греческим, но и с негреческим населением полуострова. Торговый люд принадлежал к тем *mesoi* (средним), следуя терминологии Аристотеля, которые занимали среднее положение между знатью и народной массой.

Если на самом деле древнейший историк СССР принадлежал к слою «средних», то можно высказать следующее предположение: возможно, что отсутствие у нашего историка осуждения жестокостей, свершенных некоторыми из Спартокидов, было обусловлено тем обстоятельством, что жертвами этих жестокостей были представители знати, а не «средние», которые являлись для Спартокидов опорой власти.